

Преемственность и перебалансировка в многополярном папстве

Роберт Превост, обращаясь к дипломатическому корпусу уже в качестве папы Льва XIV, подчеркнул многомерность собственного опыта, *«формировавшегося между Северной Америкой, Южной Америкой и Европой»*. Международный характер проявился и в его руководстве Августинским орденом, настоятелем которого он был; то же самое можно сказать и о его должности в курии по назначению епископов, которую он занимает с 2023 года. Всё это сделало его фигурой организатором в Риме – в противовес тем течениям, которые сетовали на слабую связь между Хорхе Марио Бергольо и курией, – а также позволило Превосту установить отношения с епископатами по всему миру. В Германии он, по крайней мере, помог остановить коварный “протестантский” уклон, наметившийся в рамках синодальных реформ церкви в Германии. Вероятно, он также имел отношение к сложному досье по назначению епископов в Китае.

Предварительный вывод заключается в том, что избрание Превоста понтификом свидетельствует о *перебалансировке* отношений, сложившихся при Бергольо, но с сохранением *преемственности*.

Однако ещё один важнейший момент затронут в комментариях, которые связывают выбор конклава со стратегическим узлом *атлантического упадка* и, в частности, *упадка США*, – в связи с кризисом американской церкви. В этом контексте *перебалансировка* сопровождается куда более заметным *разрывом преемственности*, поскольку до сих пор папы из США никогда не было. Хотя некоторые расценили это как своего рода контратаку против консервативного крыла американского епископата, более вероятным выглядит компромиссный характер этого выбора, либо его ассоциация с компромиссом. Те силы в США и Европе, которые ощущали себя маргинализированными при папстве Бергольо, воспринимают происходящее как положительный сигнал к восстановлению *коллегиальности*. Впрочем, необходимость *перебалансировки* признавали даже сторонники *просчитанного разрыва*, которые стремились перенести центр тяжести католической организации с её традиционной опоры в западном мире на модель *многополярной церкви*.

Массимо Фаджоли, преподаватель университета Вилланова в Филадельфии – того самого августинского центра, где учился Превост, – в газете *Avvenire* пишет, что конклав, по сути, вновь предложил августинианство в качестве теологической основы для осмысления и преодоления глобального политического кризиса. Святой Августин был мыслителем времён заката Римской империи; словно бы кардиналы сказали: *«Нам нужен новый Августин, который поможет понять, как рушится наш западный мир»*.

По мнению Фаджоли, именно кризис, воплотившийся в *«хаосе трампизма»*, как это ни парадоксально, сделал возможным консенсус по поводу папы из США. Раньше считалось, что Соединённые Штаты, символ западного мира и сердце Атлантического альянса, не могут *«к тому же»* претендовать и на папский престол. Но с приходом Дональда Трампа все шаблоны были разрушены: *«теперь непонятно, куда идут Штаты»*, непонятно, *«являются ли они союзником Европы»*.

Фаджоли добавляет, что Превост, хорошо зная церковь США, сможет справиться с её кризисом. По его мнению, раскол между консервативными и прогрессивными католиками превратился в своего рода *«жидкий раскол»*, расплывающуюся трещину, с которой очень трудно справиться. При этом фигуру Превоста могли бы принять *«все»* католики США. Фаджоли недавно опубликовал книгу “От Бога до Трампа. Католический кризис и американская политика”, где предостерегает от опасности *«национализации американского католицизма»* – веры в то, что он может идти своим особым путём, *«своего рода Sonderweg, но не немецкий, а американский»*. Также он критикует иллюзию, будто Европа *«могла бы обойтись без Церкви в США»*, которая, по его мнению, незаменима *«из-за своего культурного, политического и финансового влияния»*.

Здесь можно увидеть два аспекта американского папства. Первый – это политическое предложение Ватикана в контексте *атлантического упадка*. Этот вопрос мы уже рассматривали во времена папства Ратцингера и председательства Камилло Руини в Итальянской епископской конференции, но сегодня он обострился из-за потрясений, связанных с упадком США, и риска их отрыва от Европы. Другое измерение – кризис американской церкви. В книге “От Бога до Трампа” трампизм рассматривается как форма

«экстремизма на службе политического проекта», а католицизм – как коммерческий бренд, использующийся в кампаниях, близких по стилю к протестантским практикам.

Папу Льва XIII обычно цитируют за его энциклику “*Regum Novarum*”, охотно забывая, что она была направлена не столько против социализма, сколько против самой классовой борьбы посредством забастовок. Но папа Печчи, при всей своей условной открытости к веяниям времени, был также тем понтификом, который в 1899 году остановил *американизм* – прагматический уклон американских епископов, который сегодня назвали бы либеральным. В условиях нового кризиса роли, похоже, поменялись местами, и сегодня мы наблюдаем консервативный *американизм* с противоположным знаком. Но и тот, и другой *американизм* объединяет одно: специфика американских условий накладывает отпечаток на поместную церковь. Прежде это были условия оптимистичные, поощрявшие практический подход – условия развивающейся державы, которая рассматривала ограничения старой Европы как помеху. Сегодня это, напротив, пессимистические, реваншистские условия державы, которая чувствует свой упадок. Она обвиняет церковь в пренебрежении своими принципами под давлением духа времени – либерализма и его нравов, антизападной многополярности, атеистического Китая, навязывающего своих епископов, – что только способствует упадку. Дж. Д. Вэнс, недавно обратившийся в католицизм, получил поддержку Питера Тиля, сторонника своего рода евангелического *high-tech* пробуждения в Силиконовой долине. Они упрекают Европу в том, что она не хочет присоединиться к американистской, антикитайской борьбе против упадка Запада.

Тем не менее можно предположить, что в Риме, как и среди американских епископов – включая консерваторов – образы Трампа, молящегося в Белом доме, с руками, сцеплёнными с пастором “*теологии процветания*” в окружении *телепроповедников* евангелических мегацерквей, не остались без внимания.

Риск деградации самого понятия Запада или подрыва единства между европейским и американским Западом может объяснить, почему даже такие консервативные фигуры, как кардинал Тимоти Долан, архиепископ Нью-Йорка, присоединились к компромиссу или, по крайней мере, заявили о поддержке курса на *перебалансировку*.

То же самое можно сказать и о течениях, представителем которых является кардинал Руини – ключевая фигура в Итальянской епископальной конференции во время папств Кароля Войтылы и Йозефа Ратцингера. Массимо Франко в *Corriere della Sera* видит в назначении американца Превоства не только очевидное восстановление баланса, но и реабилитацию опыта курии, а также ответ на атаки со стороны трампилистского мира.

Для церкви «снятие табу, которое, казалось, не позволяло Соединённым Штатам – первой ядерной и капиталистической державе – выдвинуть своего понтифика, стало проявлением удивительной смелости и уверенности в себе». Имя Льва XIV, вновь выбранное спустя более чем столетие, указывает на «открытость миру и в то же время твёрдость принципов». Это также «обезоруживает тех, кто в последние годы считал, что может использовать ослабленную Церковь в своих интересах».

Таким образом, существует связь между кризисом, который переживает церковь, и *атлантическим упадком*, особенно ярко проявляющемся в *кризисе порядка* и связанных с ним войнах. Вопрос о том, в какой степени церковь может предложить себя мировому правящему классу в роли олицетворения момента *единства* – в диалектике *единства и раскола*, – нуждается в подробном рассмотрении. Андреа Риккарди писал, что война является «почти невозможным условием» для «католического интернационала», или, в другой формулировке, – что это «крайне проблематичное условие».

Дело в том, что католическая концепция – это не концепция Карла Каутского, или не только его; в ней нет веры в то, что «империалистические» союзы или «ультраимпериализм» могут позволить избежать *раскола*. Его можно сдерживать, но нельзя избежать.

Мы обращались к этому вопросу двадцать лет назад, когда рассматривали «карты Ватикана в новой стратегической фазе». Преимущество Ватикана по сравнению с реформизмом заключается в том, что он может одновременно понять как саму современность, так и её кризисные факторы: «В этом смысле у религиозной идеологии больше стрел в колчане, чем у реформизма. Она может следовать той же социальной практике, но ей не нужно выступать с апологией прогресса или абсолютизировать возможность примирения капиталистических противоречий. В католическом видении в конечном счёте есть место для политических

катастроф, кризисов, войн и непримиримости конфликтов, на которых базируется государство, потому что всё откладывается до Высшего Примирения, которое не от мира сего». Сегодня можно добавить: августиновский Град Божий нельзя отождествлять с земным городом. «В этом смысле идеология смирения идёт в ногу со временем. Её конечной задачей, как показало последнее столетие, становится разве что сопровождение разворачивающихся кризисов и войн, дозирование скорбного сострадания, проповедь смирения, но также и поддержка порядка и мобилизации, направленных на сохранение сплочённости общества».

Книга Риккарди “Война молчания” (2022) исследует с помощью новых архивных документов спорный вопрос «молчания» Пия XII о нацизме и Холокосте, но по сути стремится к более широкому обобщению о Ватикане и войне. В книге реконструируется, как группа, сформировавшаяся вокруг Пачелли, на основе опыта первой мировой войны выработала стратегию, отвечавшую изменившимся условиям второй мировой. Было решено предоставить местным церквям свободу в том, как им взаимодействовать со своими коллаборационистскими правительствами, и не ставить немецких католиков перед противоречием двойного послушания – церкви и государству.

Общий элемент в стратегии обеих войн, как нам кажется, заключается в следующем: позволить себе быть разделёнными становится условием, необходимым, чтобы представлять единство. Во второй мировой войне это означало, конечно, сохранение самого существования церкви. Но в более широком смысле речь шла о том, чтобы предложить себя правящему классу на всех этапах диалектики единства и раскола, потому что только так можно было сохранить возможность “встроиться” в послевоенное переустройство.

Было бы упрощением видеть в этом только двуличие и лицемерие. Мы склонны полагать, что в их концепции – в их *действительно ложном сознании* – речь идёт о реализме по отношению к человеческому состоянию: способности различать *меньшее зло*, понимать необходимость для поместных церквей *нести свой крест*, осознании того, что братья всегда убивали друг друга, как Каин убил Авеля, и так далее. И наше “помешать войне посредством коммунистической революции” в их глазах является антропологической ошибкой – вера в то, что человек сам может стать творцом своего спасения, с их точки зрения является искушением от лукавого.

Остаётся открытым последний вопрос. Мы видим два возможных варианта развития событий по мере того, как будет разворачиваться *кризис порядка*: серия региональных кризисов и войн или конфликт между великими державами. Историки, возможно, вспомнят 1989–1991 годы – с последствиями, сопоставимыми с *половиной мировой войны* на европейской шахматной доске – как начало *фрагментированной мировой войны*, о которой говорил Бергольо; в конце концов, именно с тех пор вхождение Азии и Китая начало создавать напряжённость на *другой половине* стратегического противостояния, на азиатской шахматной доске.

Августин написал “Град Божий” на закате существования империи, после того как Рим был разграблен вестготами Алариха в 410 году; тогдашние “вэнсы” от язычества возложили вину за катастрофу на христианство и отказ от старых богов. Эта *политическая теология* также является *теологией упадка*. Сегодня Лев XIV – папа многополярного мира – есть в каком-то смысле новый Августин, американский понтифик, потому что Америка больше не является сверхдержавой, гарантирующей глобальный порядок. Так ли остро в Ватикане воспринимают упадок США и его последствия – включая военные – в *кризисе порядка*? И не поэтому ли обращаются к архивным документам о Ватикане и войне?

Май 2025 г.